

W 462
194

W. 468
1833

Рѣчи,

о сущности, важности и
назначеніи политическихъ
наукъ,

произнесенія

въ

Торжественномъ Собраний

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета Э. О. Профессоромъ Политической Экономіи и Дипломатіи Тихономъ Степановыемъ.

30 Августа 1833 года.

ХХI-6284

ХАРЬКОВЪ,
въ Университетской Типографіи.
1833.

Съ дозволенія Совѣта Университета.

Почтеннѣйшиe Постители!

Нынѣшній день ежегодно посвящається празднованію въ честь основанія благодѣтельнаго нашего заведенія, Университета. Торжественность сего воспоминанія наполняетъ наши души благоговѣйными чувствованіями. Вопь уже испекло 27 лѣто, какъ Науки начали здѣсь изливать свой неугасаемый свѣтъ, какъ въ первый разъ загорѣлись здѣсь лучи просвѣщенія! — Благодареніе Тебѣ, безсмертный Александръ, Тебѣ, возжегшему сей свѣтъ; Ты пѣмъ самымъ какъ бы указалъ будущее назначеніе Россіи и отдаленнымъ Царствамъ Воспока! Благодареніе Высокому Преемнику Его, ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ, мудро ведущему насъ къ достижению сего блестательнаго назначенія! — Благодареніе пѣмъ Обамъ, которыя неупомимою своею дѣятельностію, ревностнымъ своимъ усердіемъ, примѣрными пожертвованіями способствовали учрежденію Университета! Благодареніе вышему Начальству, покровительствовавшему и покровительствующему нынѣ особеннымъ своимъ вниманіемъ цвѣтущее его соспаніе! Благодареніе отличнымъ Насправникамъ со-

грѣвавшимъ и согрѣвающимъ молодые умы воспитанниковъ благотворными лучами своихъ познаній, чтобы они приносили полезные плоды дражайшему нашему Отечеству! Благодареніе и Вамъ, П. П., удоспившимъ свое го лестнаго присутствія настоящее торжество!

Слѣдя примѣру предшественниковъ моихъ, посвящавшихъ памяти сего важнаго дня разборъ какого либо ученаго, достопримѣчательнаго предмета, я намѣренъ сдѣлать главное обозрѣніе преподаваемыхъ мною въ семъ Университетѣ Политическихъ Наукъ, и именно, намѣренъ говорить о сущности, важности и назначеніи оныхъ.

Что суть Политической Науки? П. Н. излагають намъ тѣ законы, по которымъ Государства живутъ и раскрываются въ своей жизни постепеннымъ совершенствованіемъ.— Миръ сопворень; земной шаръ, часть сего мира, пришелъ въ движение по необозримому пространству онаго, и, совершая годичнымъ своимъ обращеніемъ около центрального свѣтила миллионы верстъ, поражаетъ и напасть изъ себя безчисленные роды твореній. Духъ и матерія, первоначальные язвенія Все творящей Силы—Бога, суть два главныхъ основанія сущности земного шара, основанія всякаго на ономъ бытія. Преобразуя матерію,

духъ постепенно развивался въ своемъ первоначальномъ восхожденіи, и въ самомъ высшемъ раскрытии, онъ обнаружилъ себя свободою и разумомъ. Такъ — человѣкъ, какъ окончное твореніе Всепворяющей Силы, послѣднее проявленіе духа въ матеріи, по необходимости, есть существо свободное и разумное.

Человѣкъ началъ жить, и, распроспрашиваясь мало по малу населеніемъ, проявилъ изъ себя Общества и Государства. Симъ образомъ состались три лѣстницы нравственного бытія: нераздѣльные, общества и народы. — Назначены ли Природою постоянные, неизменяемые законы для сихъ трехъ родовъ нравственного бытія? я полагаю, что, если очевидно по извѣслымъ законамъ совершаются всѣ явленія физического міра; то могутъ ли несуществовать оные для міра нравственного? Можетъ ли вообще находиться въ мірѣ что либо такое, чѣмъ не жило бы жизнью Вѣчнаго? И можетъ ли жизнь Вѣчнаго являться гдѣ либо, въ чѣмъ либо внѣ законовъ? Земной шаръ составляетъ цѣлое единое; онъ имѣетъ свою опредѣлительную организацію; сія опредѣлительность заключаетъ въ себѣ тѣ необходимыя условія, подъ коими ему жить назначено Природою. Чѣмъ же сія жизнь земнаго шара обнаруживается? Съ одной стороны, онъ непосредственно поддерживаетъ, умно-

жаетъ изъ самаго себя всѣ многоразличныѣ роды ивореній; съ другой стороны онъ безпрерывно раскрываєтъ, совершенствуетъ себя чрезъ человѣка, высшее свое ивореніе. Человѣкъ, какъ явленіе, есть царь земли; какъ царь земли, онъ дѣйствуетъ и какъ бы управляетъ земнымъ шаромъ, обладая всемъ, чѣмъ ни является въ и внутри его. Но, находясь самъ подъ законами жизни земнаго шара, онъ ограничивается разными условіями, изъ круга которыхъ никогда не можетъ выйти ни въ отношеніи къ себѣ, ни въ отношеніи къ прочимъ ивореніямъ. Слѣдственno есть и не могутъ не быть посстойнныe, неизмѣняемые законы для прѣхъ родовъ нравственнаго бытія: для нераздѣльныхъ, для обществъ, для народовъ. Но прежде, нежели начнемъ изслѣдоватъ сіи законы, посмотримъ, что представляютъ намъ на опыте видимый міръ и Испорія, сія блюстительница фактovъ людей, обществъ и народовъ? — Что намъ представляется ими? Война между нераздѣльными, война между классами обществъ, война между народами, война всегда и вездѣ, словомъ: Испорія и видимый міръ опкрываютъ предъ нами всегдашнюю борьбу во всѣхъ прѣхъ родахъ нравственнаго бытія. — Вникнемъ въ сіи факты примѣчательнѣе. —

Едва первый человѣкъ воззванъ быль къ существованію, едва раскрылось въ немъ начало жизни рода человѣческаго, какъ совершилось ужасное преступленіе, братоубийство. Послѣ такого явленія, чего уже можно было ожидать отъ людей, попомковъ перваго человѣка? Можно ли было думать, чтобы они сохранили между собою священныя чувства единокровія? — И дѣйствительно, чѣмъ болѣе умножалось, распространялось по земному шару народонаселеніе, чѣмъ болѣе съ онимъ вмѣстѣ увеличивались, развертывались общеспіенные связи; пѣмъ болѣе люди, раздѣляясь безчисленными соотношеніями, становились одни другимъ чуждыми. Различіе силь, способностей, характеровъ, чувствованій, все вообще различіе, обозначающееся въ жизни физической и нравственной, проводило между людьми рѣзкія черты непріязни, вражды. — Еще нѣкоторая близость, сочувствие первоначального происхожденія сохранились въ кругу родственныхъ; но и тѣ, какъ скоро непосредственно дѣйствующіе одни въ отношеніи къ другимъ, равно предаются неукропимымъ чувствамъ раздора. Много ли было такихъ родныхъ, которые бы, напр. при раздѣлѣ богатыхъ наслѣдствъ, руководствовались одною справедливостію безъ всякихъ видовъ корыстолюбія? Много ли братьевъ, ко-

шорые съ полнымъ чувствомъ удовольствія смотрягъ на повышеніе къ доспоинствамъ чести, или на приращеніе богатства своего брата? Много ли сесперъ, которыя съ искреннимъ радушіемъ вспрѣчаюгъ особенное счастіе своей единокровной? — Что же скажемъ мы о прочихъ людяхъ, не соединенныхъ въ гражданскомъ понятіи близкими связями? Когда между ними существовало общее, открытое желаніе взаимнаго счастія? Кто въ продолженіе своей жизни не былъ очевидцемъ безпрестанныхъ распрай, преступленій, злодѣяній? Кто не видаль и не видитъ во кругъ себя въ безпрерывномъ движениі тысячи спрастей въ разныхъ видахъ, подъ разными изгибами? — Вездѣ кажется дѣйствующимъ одинъ эгоизмъ, всѣми, повидимому, управляетъ своеокорыстное самолюбіе. Вопль, почему мы часто, какъ бы попворствуя своей слабости, называемъ добрыми полузыыхъ, честными, у коихъ вся честность единственно соспоинть въ шомъ, что они умѣютъ хитрыми расчѣтами, коварными сплѣтеніями прикрывать свои дѣйствія, клонящіяся во вредъ другимъ и въ пользу собственную? Сколько же опьяныхъ злодѣевъ наслаждаются и богатствомъ и почестями? И сколько самыхъ рѣдкихъ, благороднѣйшихъ людей, въ продолженіе целой жизни, пьющихъ чашу горестей? Окру-

женные со всѣхъ споронъ людьми, кои порыхъ мы обязаны называть согражданами, соопечесненниками, собратіями, можемъ ли мы однако оспаться покойными въ помъ, чтобы не содѣлаться когда либо для всѣхъ чуждыми, не быть опь всѣхъ забытыми, брошенными, иакъ сказать, на произволъ судьбы, не служить предметами унизительного, наглаго презрѣнія другихъ? Обспоянельства, отношенія, наконецъ слѣпой случай, опь властелины, которыми все, по видимому, въ свѣтѣ, опь начала его, работѣствуетъ, покоряется. — Такой міръ ужасенъ! Гдѣ же, спросять насъ теперь, законы для нераздѣльныхъ? Гдѣ неизмѣняемые законы, которые бы направляли ихъ желанія, дѣйствія? — Смотря на міръ, нами изображеный, не должно ли заключить, что законы, которыхъ мы ищемъ, не существуютъ? —

Теперь взглянемъ мы на жизнь обще-спленную. Опь самаго начала учрежденія обществъ до нынѣшняго времени борьба безпрерывная владычествовала внутри оныхъ. Одинъ классъ спарался оспаривать права и преимущества у другаго, одинъ классъ стремился основать свое возышеніе на гибели прочихъ. Земледѣльцы объявили непримири-мую вражду фабрикантамъ и купцамъ; сіи послѣдніе, когда только могли, попирали пра-

ва земледѣльцевъ. Классы физическіе вооружались противу вліянія на нихъ классовъ нравственныхъ; классы нравственные равно умножали, усиливали свои гордыя притязанія противу правъ классовъ физическихъ. Взглѣнемъ на Исторію народовъ древнихъ, особенно Грековъ и Римлянъ, и спросимъ: какая эпоха въ оной можетъ гордиться совершеннымъ спокойствіемъ общественной жизни? Когда буря спрастей не воздымала борьбы между классами оныхъ народовъ? Когда главные спихіи жизни не возмущали политического ихъ организма? Бѣдные противу богатыхъ, рабы противу господъ, низшіе и средніе классы противу Аристократовъ, и взаимно, когда удерживались отъ своихъ требованій, часто буйныхъ? Сколько разъ междуусобные войны были причиною пролитія истощниковъ крови между согражданами? Сколько разъ соотечественники, забывъ всѣ свои священные обязанности къ общей своей матери-Отечеству, разрушали пріобрѣтенія цѣлыхъ сполѣтій, потрясали важнѣйшія основанія благоденствія онаго? — Что же открывается нашимъ взорамъ, послѣ эпохи паденія Римлянъ? Менѣе ли возмутительна была общественная жизнь Европейскихъ народовъ? Мирно ли среднія сполѣтія погружались одно за другимъ въ вѣчность у каждого народа, на ми-

обитаемой части свѣта? — Ужасно обращать свои взоры на сіи, такъ сказать, кровавыя времена. Владими духовныя спорили о своихъ правахъ со властями свѣтскими, и самыя свѣтскія были въ непримиримой взаимной борьбѣ между собою. Вассалы возставали противу своихъ Царей и въ тоже время увѣко-вѣчивали вражду свою одни къ другимъ: братство въ устахъ, мечь въ рукахъ — безпрестанно смѣнялись одно другимъ. — Ремесленники и купцы таились съ своими богатствами отъ корыстолюбія сильныхъ; земледѣльцы перпѣли угнѣщенія подъ игомъ тогдашняго своего состоянія: глубокое невѣжество покрывало всѣхъ и все. Но и тогда, когда истинная жизнь обществъ, какъ фениксъ изъ пепла, начала мало по малу возникать, когда всѣ ужасы фанатизма, какъ облака, какъ привидѣнія, исчезали предъ заревомъ просвѣщенія, когда феодализмъ, со всѣми исчадіями междуусобія, постепенно сокрушался подъ могущественною рукою самодержавія, когда прудъ, дѣятельность кипѣлъ, такъ сказать, внутри жизни политического организма народовъ, когда вездѣ, во всемъ, казалось, воцарились порядокъ, успроеніе цѣлаго, — и тогда, говорю, водворилось ли искреннее согласіе между согражданами, между классами однихъ и пѣхъ же обществъ? Прекратились ли кровавыя позо-

рища среди оныхъ? — Нимало. Новыя времена равно предспавляють намъ внутреннія несогласія, раздоры обществъ, хотя подъ другими, болѣе или менѣе измѣненными формами; новая жизнь общественная возродила новыя пріязанія классовъ и вмѣстѣ породила новые мятежи. И такъ, спросятъ нась, какіе находятся законы для общественной жизни? Гдѣ тѣ вѣчные уставы, по которымъ должны совершаться многочисленныя, безпрерывныя движенія политическихъ организмовъ?

Перейдемъ наконецъ къ жизни отдельныхъ между собою народовъ, посмотримъ здѣсь еще на ту картину, которая представляется всеобщею ихъ Испорію. При первомъ взгляде на оную, не приходяще ли образованный умъ, облагороженное сердце въ содроганіе? Какой народъ и когда жилъ въ вѣчномъ мирѣ съ другими народами? Съ самаго ихъ младенчества, поле кровопролитія не было ли для нихъ полемъ опличій, полемъ героическихъ дѣйствій? — Поколѣнія вооружались противу поколѣній; орды пылали ненавистью противу ордъ; вражда народная переживала цѣлыя сполѣшія, опцы возвѣщали сыновьямъ своимъ, дѣды своимъ внукамъ побѣды надъ непріятелями, и брали съ нихъ торжественные клятвы на будущія войны. Довольно только взглянуть на вновь открытыя земли въ отдален-